

Арчибальд
КРОНИН

Испанский садовник

•

Древо Иуды

Романы

Санкт-Петербург

ГЛАВА 1

Ночной путь от Парижа до испанской границы оказался на редкость долгим и утомительным. Потом из-за досадной задержки в Портбоу, где их продержали лишние сорок минут, и из-за нерасторопности носильщика они не успели на утреннюю пересадку в Барселоне. Было уже почти пять часов пополудни, когда, усталые и запыленные, они тряслись по узкоколейке Коста-Бравы, приближаясь к своей станции. Несовершенство людей, равно как и механизмов, всегда вывело консула из себя, и его настроение было не самым благодушным. Выпрямившись в своем углу, он с беспокойством поглядывал на тепло укутанного сына. Мальчик на противоположной скамье длинного замусоренного вагона, пахнущего пылью, чесноком и прочими застарелыми деревенскими ароматами, украдкой бросал на отца ответные любящие взгляды.

— Ну как ты, Николас? — в третий раз за час спросил консул.

— Хорошо, папа.

Грохочущий локомотив, из последних сил одолев крутой поворот, с пронзительным свистом втащил поезд на пустынный перрон Сан-Хорхе. Оставив дорожный плед и оба чемодана в вагоне, консул за руку вывел Николаса на безлюдную, покрытую толстым слоем красной пыли платформу, вдоль узкой полосы которой тянулись пальмы, понуро клонившиеся под порывами ветра. Подумав, что их никто не встречает, консул

нахмурился, но тут же увидел у входа молодого человека в аккуратном льняном костюме, несколько севшем от стирки, с галстуком-бабочкой и в желтой соломенной шляпе. Рядом был припаркован серый автомобиль с американским флажком на капоте. При виде двух пассажиров молодой человек в сопровождении шофера суетливо заторопился им навстречу:

— Мистер Харрингтон Брэнд? Рад вас видеть, сэр! Мы вас ждали с утренним поездом. Я Элвин Деккер из офиса. — Он повернулся к шоферу, смуглому коренастому испанцу в черной куртке из альпаки, джинсах и рыжих остроносых туфлях. — Пожалуйста, Гарсиа, возьмите багаж.

Разглядев машину, Брэнд почувствовал, что раздражение начинает его покидать: солидный «пирс-эрроу» с откинутым верхом сверкал надраенной латунью, вычищенными шинами и белоснежными чехлами на сиденьях. Пока выносили их багаж, Брэнд стоял в стороне — грузный, высокий и оттого сутуловатый, с едва заметным, приберегаемым для подчиненных выражением надменности на удлиненном желтоватом лице, от крыльев носа к уголкам губ прорезанном глубокими складками.

— Надеюсь, сэр, дом вам понравится, — говорил тем временем Элвин. — Мистер Тенни увез своих слуг, но я приложил все усилия и нанял хорошую пару. Гарсиа — шофер и дворецкий, — он понизил голос, — с наилучшими рекомендациями... А Магдалина, его жена, — превосходная повариха.

Харрингтон Брэнд кивнул:

— Мы можем ехать?

— Да, сэр! — едва не задохнувшись от волнения, воскликнул Элвин.

Они сели, и машина тронулась. Привычно сжимая под пледом тоненькие влажные пальцы сына, новый консул безотрывно рассматривал окрестности. Место не

казалось столь отвратительным, как он того опасался. Воздух был прозрачен; изогнутую береговую линию, вдоль которой они ехали под угасающим февральским солнцем, окаймляла полоса чистого песка; между фонарными столбами набережной, хотя и несколько неровно, росли цветущие акации. На площади среди алых цветов огненного дерева искрились струи фонтана; за черными фигурами стариков, читающих «Ла Гасету», посверкивала облезающей позолотой эстрада; старенький автобус высаживал пассажиров — все это создавало приятное ощущение жизни. Через дорогу от церкви с неизменной розовой штукатуркой и парой куполов, напоминающих вздернутые вверх груди, с центральной колокольней, облицованной цветной плиткой и увенчанной потускневшим крестом, промелькнули один-два недорогих магазина и вполне приличное на вид кафе «Эль Чантако» с полосато-синим тентом; дальше по улице рядом с гаванью виднелось солидное коммерческое здание, в котором, как тут же сообщил Деккер, располагался офис консульства.

Но это что такое?.. Совсем рядом — консул не мог этого не заметить — в порту, с которым по большей части будет связана его работа, царило унылое запустение, он будто вымер. Вряд ли здесь происходило что-либо более серьезное, чем вялая торговля кожей, удобрениями, пробкой, оливковым маслом и эстрагонным уксусом. Всего две рыбачьи шаланды на пристани да ржавый каботажный пароходишко, с которого несколько моряков с помощью трех ослов и простейшего шкива лениво сгружали бочки. Брэнда снова захлестнула волна горькой обиды, на лице отразились тяжелые раздумья. Почему, ну почему в сорок пять лет, после пятнадцати лет усердной и безупречной службы в Европе его отправили в такую глухую дыру, с его-то выдающимися способностями? Да он хотя бы только стажем давно заслужил право занять высокий пост в Париже, Риме или Лондоне! Последние полтора года в Арвиле,

среди нормандских болот, он надеялся, что следующее назначение принесет ему заслуженную награду. И на тебе — Сан-Хорхе... А самое обидное, что его предшественнику Тенни, который моложе его на целых три года, досталось место консула первого класса в Мадриде под началом самого Лейтона Бейли...

— Папа, смотри! Правда красиво?

Оставив город позади, они поднимались по крутой петляющей песчаной дороге между рядами серебряных эвкалиптов, и взволнованный Николас застенчиво указывал на открывшийся с вершины вид. Под ними простиралось Средиземное море с тонкой башней далекого маяка над скалистым мысом бухты в белой пене прибоя. Севернее сквозь голубую дымку тускнели очертания громадных гор. В воздухе плавал аромат трав с добавкой соли. А прямо перед ними на краю ущелья, густо окутанная жемчужными лепестками ладанника и почти скрытая за высокой изгородью из мимозы, раскинулась вилла под красной черепицей. Над входом с колоннами выгоревшими буквами было выведено «КАСА БРЕЗА».

— Нравится? — Элвин Деккер повернулся к мальчику, и по напряженному ожиданию в его тоне Николас понял, что это и есть их новый дом.

За свои короткие девять лет Николас пережил много перемен и слегка утратил способность удивляться. Но этот необычный старый дом, который казался таким заброшенным и таинственным, притягивал его к себе. Консулу, похоже, он тоже понравился. Когда они, прохрустев колесами по гравию подъездной дорожки, вышли из машины, его острый оценивающий взгляд смягчился.

Здание в мавританском стиле с просторным арочным портиком и горизонтальной, слегка нависающей крышей выглядело благородно-изысканно: время превратило в янтарь простую желтизну стен из местного

песчаника, оно же слегка затушевало и яркую кино-варь крыши.

Широкий балкон, куда выходили окна верхнего этажа, обильно зарос глицинией и виноградной лозой, сиренью и яркими побегамии бискутеллы. Слева — зеленый от мха мощный двор, ведущий к конюшне и другим хозяйственным постройкам. За домом — сад.

— Дом, конечно, старый, — заметил Элвин, увидев лицо своего шефа. — Кое-что требует ремонта. Электричества нет, только газ. Но мистер Тенни был им очень доволен. Видите ли, рядом с офисом нет подходящего жилья, а здесь у нас долгосрочная аренда... С мебелью...

— Ясно, — оборвал его консул.

Устремившись всем корпусом вперед, он зашагал по пологим ступеням крыльца к распахнутым дверям, где их уже ожидала улыбающаяся полная женщина средних лет в строгом черном платье, которую Деккер представил как Магдалину.

Внутри был прохладный холл с высоким потолком и мозаичным полом, по разным сторонам которого располагались выполненные в стиле рококо столовая и гостиная с массивной двустворчатой дверью. В глубине холла темнела спиральная лестница из орехового дерева, и консул, памятуя о своих обязанностях и правах, невзирая на усталость, грузно поднялся на второй этаж для осмотра комнат. Их было намного больше, чем требовалось ему с сыном и будущим потенциальным гостям, но это не могло смутить человека с изысканным вкусом. Консулу понравился простор помещений, инкрустированные тумбочки и комоды, позолоченные стулья с гобеленовой обивкой, сонетки с кистями и выцветшие бархатные шторы; даже легкая затхлость длинного коридора и та ласкала его обоняние. Когда доставят его увесистый багаж, здесь будет достаточно места для книг и фарфора и для замечательной коллекции старинного оружия, собранной им за много лет в разных местах.

Когда Брэнд спустился в холл, было заметно, что он доволен. Элвин вздохнул с облегчением, его карие глаза радостно заблестели.

— Надеюсь, все в порядке, сэр? У меня оставалось не слишком много времени после отъезда мистера Тенни, но я сделал все, что мог.

— Разумеется, — обходительно ответил консул, придав голосу максимальную загадочность.

Он не настолько глуп, чтобы начинать свое руководство с расточения похвал помощнику. Это лучший способ разрушить дисциплину и спровоцировать фамильярность. Кроме того, он уже решил, что общество этого нервного юнца в облегающем костюме, лопнувшем под мышкой, совершенно невыносимо и лучше держать его на расстоянии. А так как Элвин все не уходил, вертя в руках соломенную шляпу, словно ожидал, что его пригласят остаться, может быть, даже предложат выпить хереса, Брэнд вежливо, но решительно проводил его к двери:

— Увидимся завтра в офисе, мистер Деккер.

— Хорошо, сэр.

— Вы всегда приходите ровно в девять?

— Да, конечно!

У Элвина покраснела шея над воротничком. Перед тем как попрощаться, он остановился на ступеньках крыльца и, набравшись смелости, запинаясь, произнес:

— Могу я надеяться, что вы окажете нам с миссис Деккер честь своим посещением? Мы живем на Калье Эстрада, дом небольшой, но мы постарались превратить его в кусочек старой доброй Америки.

Его неуверенность вызвала сочувствие у Николааса, и он умоляюще посмотрел на отца. Консул ответил Элвину предельно вежливо, но, когда тот ушел, губы Брэнда скривились. Никто не мог поставить под сомнение его лояльность к своей стране, и все же он считал себя рафинированным космополитом, вылепленным евро-

пейской культурой, — по сути, гражданином мира! Неудивительно, что наивная фраза Элвина вызвала у него усмешку.

В семь часов вечера Гарсиа, замечательно предвосхитив пожелание хозяина, объявил, что обед подан. В столовой их ждали два прибора, и, усевшись в разных концах длинного резного стола с горящим канделябром посередине, отец и сын приступили к первой трапезе в новом доме.

Погруженный в свои мысли и глубоко озабоченный переутомлением Николаса, консул ел молча. Но превосходная еда и отменное обслуживание, приятная полутьма прохладной комнаты принесли ему успокоение, развеяв все досады и огорчения этого дня. Тяжелым задумчивым взглядом сопровождая все движения дворецкого, он наконец приподнял завесу непроницаемой сдержанности:

— Вас зовут Гарсиа, как я понимаю?

— Да, сеньор.

— Вы всегда жили в Сан-Хорхе?

Гарсиа выпрямился с бесстрастным видом. В глубине его лишенных выражения глаз на мгновение вспыхнуло, отразившись, пламя свечей.

— Нет, сэр. Я жил в гораздо более крупных городах. И всегда у самых лучших людей. Прежнее место моей службы было у семьи де Аоста в Мадриде.

— Вы имеете в виду маркизу де Аоста?

— Одну из ветвей этой семьи, сеньор.

Харрингтон Брэнд понимающе кивнул. Он бы возмутился, если бы его обвинили в снобизме. Тем не менее он придавал большое значение общественному устройству, и ему было приятно, что этот молчаливый человек, который сейчас ему прислуживает, имеет, если можно так выразиться, аристократические рекомендации.

— Передайте поварихе, что утром я хочу ее видеть. У сына хрупкое здоровье, ему требуется особая диета.

Когда Гарсиа, поклонившись, бесшумно удалился, консул с удовлетворением заметил:

— Превосходный мальчик!

Слово «превосходный» — относилось ли оно к слуге, лошади или его близкому другу профессору Галеви из Парижа — было высшей похвалой в устах консула. Но на этот раз Николас не смог разделить восторг отца. Первым же косым взглядом дворецкий вызвал в нем странное неприятие, которое он не мог объяснить.

Допив кофе, консул многозначительно посмотрел на свой золотой брегет. Но Николас, на которого возбуждающе действовала необычность виллы, стал упрашивать отца погулять перед сном в саду, и тот милостиво согласился.

В пальто, укутавшем узкие плечи, чтобы исключить малейшую вероятность переохлаждения, мальчик глубоко вдыхал теплый душистый воздух, лившийся, казалось, из ниоткуда, смывая все представления о пространстве и времени. И хотя гул поездки все еще звенел в ушах Николаса, он ощущал, как на него и на сад опускается вечерний покой. Сад был больше — да что там! — огромнее, чем он ожидал, и восхитительно запущенный. От крыльца в сад под тремя перголами, сгибающимися под тяжестью выющихся роз, сбегала дорожка, с обеих сторон окаймленная широкими травянистыми бордюрами, на которых в беспорядке росли примулы и большие белые пионы. Слева были заросли мирта и олеандра, полные белых и розовых душистых цветов. С другой стороны раскинулся луг (возможно, когда-то здесь был газон), а на нем два прекрасных дерева — раскидистая катальпа и тамариск; далее, за низкой оградой и деревянным сараем, лежала каменистая пустошь, усеянная белыми валунами, колючими какту-

сами и сиреневыми кустами азалии. За пустошью заросли лавра скрывали конюшню и жилые помещения, а дальше склон с чахлыми кедровыми деревцами плавно переходил в морской берег.

Николас стоял рядом с отцом, упиваясь этой красотой, его пьянили ароматы почвы и буйной растительности, и в душе у него стало зарождаться предчувствие, переходящее в уверенность: здесь он может быть счастлив. Никогда еще, ни в одном из мест, где им приходилось жить, он не ощущал ничего подобного. Здесь он будет счастлив! Снизу приглушенно доносились резкие вздохи прибоя. Радость захлестнула мальчика, он зажмурился, боясь расплакаться, и стал дышать медленно и глубоко в счастливом ожидании.

— Правда красиво, папа? — проговорил он, желая продлить это мгновение.

Неожиданно для самого себя консул улыбнулся той редкой улыбкой, которую только Николасу дано было вызвать у отца. Прелесть сада не оставила равнодушным и его. Обводя взглядом спутанные кусты олеандра и густую изгородь из мимозы, которой Тенни позволил расти как попало, консул мысленно вынашивал не лишние грандиозности планы благоустройства, свежих посадок, ландшафтного дизайна и садово-парковой архитектуры.

— Это может стать красивым, — снисходительно согласился он. — Нам необходим садовник. Я займусь этим завтра.

Возвращаясь в дом, он нежно смотрел на сына, тревожно думая при этом: неужели этот сад, этот чистый целебный воздух гор и моря не прибавят ему здоровья?

На втором этаже он заранее выбрал для себя и Николаса две смежные спальни в передней части дома, разделенные занавешенным дверным проемом, через который он сможет ночью подойти к сыну, если будет нужно. Сам он спал очень чутко и часто страдал от бессонницы.

Тем не менее его бдительно-заботливая любовь к сыну требовала, чтобы он всегда был рядом с ним в ночные часы, когда мальчика терзали кошмары. Николас часто просыпался в холодном поту, трепеща от страха, с бешено бьющимся сердцем. Этот симптом болезни больше всего беспокоил консула.

Их чемоданы наверху уже были разобраны, и Николасу осталось только раздеться, умыться и выпить через стеклянную трубочку железосодержащую микстуру, прописанную ему профессором Галеви, а потом почистить зубы. Затем он в ночной рубашке опустился на колени рядом с отцом для молитвы. Несмотря на приобретенную за время долгого пребывания в Европе светскость, Харрингтон Брэнд оставался — в чем он признавался без тени улыбки — религиозным человеком. Он позволял себе посмеиваться над своими английскими предками, но их пуританский дух был в нем крепок. Он выслушал любимого сына, склонив голову и положив руки ему на плечи, а в конце добавил от себя особую молитву, в которой просил Всевышнего защитить его и сына и благословить пребывание в их новом жилище. Потом помолчал и глухим голосом тихо произнес слова, идущие как бы из самого его сердца:

— Мы просим Божьей милости ко всем грешникам... и особенно, мое дорогое дитя... мы просим милости к твоей матери.

Минуту спустя Николас уже лежал в большой кордовской кровати с отделанным желтой тисненой кожей и большими медными заклепками изголовьем. Консул помедлил, с некоторой неловкостью глядя на почти исчезнувшую под большим парчовым стеганым одеялом фигурку.

— Да, мой мальчик... Ты слишком устал, чтобы читать сегодня.

У Николаса от слабости кружилась голова, веки — фиолетовые тени на бледном личике — тянул вниз не-

преодолимый сон. Но, зная, какое значение отец придает заключительной части их вечернего ритуала, он с усилием улыбнулся и возразил, что ни капельки не хочет спать.

Поколебавшись совсем недолго, консул уступил своим привычкам, от которых неудержимая любовь к ребенку призывала его отказаться. Зайдя на минутку в свою спальню, он вернулся с увесистой книгой по орнитологии Акермана, уселся на край мягкой кровати и надел очки в роговой оправе.

— Как ты помнишь, Николас, в последний вечер в Арвиле мы обсуждали интереснейшую тему — птицы Южной Африки. Сегодня мы прочтем совсем немного, чтобы не было перерыва в занятиях. — Он полистал книгу. — Итак, мы остановились здесь, — и, прочистив горло, начал читать: — «Страусы, род *Struthio*, — самые крупные из ныне живущих птиц. Они характеризуются наличием двух пальцев на ногах и отсутствием киля у грудной кости. Самец может достигать семи футов в высоту и весить до 300 фунтов. На песчаных равнинах и открытых местах страусы очень хорошо бегают, но, загнанные в угол, могут стать чрезвычайно свирепыми. Птицы славятся своим великолепным оперением. Самцы проявляют особую заботу о потомстве...»

ГЛАВА 2

На следующий день консул встал рано и точно ко времени отбыл в офис. У Николаса же, к сожалению, ночь прошла беспокойно. Сквозь овладевшее им оцепенение проносились, причудливо сплетаясь, детали поездки и скрежет паровозных колес, шум прибоя и, непонятно почему, темная, бесстрастная фигура дворцового. И хотя утром температура была нормальной, отец, обеспокоенный избыточным румянцем на щеках сына, настоял, чтобы тот остался в постели, но, разумеется,

пообещал к ланчу вернуться и решить, можно ли ему встать.

Николас расстроился. Вот если бы ему позволили хотя бы просто полежать в этом чудесном саду! Но он был послушным ребенком, хорошо осведомленным о всех своих недугах, и успел привыкнуть к регулярным измерениям температуры и пульса, предписанным профессором Галеви, равно как и к неусыпной заботе отца, которую принимал со своеобразно-сдержанной благодарностью.

Магдалина, запыхавшаяся от подъема по лестнице, но не утратившая радушия, принесла завтрак. Ее черные глаза почти спрятались в складках пухлых смуглых щек, а белый шарф, обмотанный вокруг головы, и металлические серьги в виде колец делали Магдалину похожей на цыганку. Благодаря урокам отца Николас неплохо говорил по-испански, а кроме того, он рано овладел французским и итальянским, но Магдалина тараторила на каком-то диалекте, видимо каталонском, и они плохо понимали друг друга. Уперев руки в бока, она стояла, глядя на него с нескрываемым крестьянским любопытством. Заметив это, мальчик решил ей немного подыграть: захлопав длинными ресницами, он заглотнул воздух и утробно заурчал. Она хохотнула и, покачав головой, вышла.

Завтрак был привычным, но довольно вкусным: яйца всмятку, хрустящие галеты с сотовым медом и стакан кипяченого козьего молока. Очевидно, отец успел дать поварихе указания. Николас ел медленно и благодаря приобретенному опыту не уронил на простыню ни единой крошки. Затем он соскочил с кровати и притащил с туалетного столика мохнатую собаку с короткими лапами, которая тихо и преданно дожидалась его внимания. Он знал, конечно, что ему нельзя держать живую собаку. Не любивший собак консул аргументированно объяснил ему, что трудности, сопряженные с их слыш-

ком подвижным образом жизни, исключают такую возможность, и мальчик нашел замену в виде этого маленького чучела. Однако сегодня Николас не был настроен на одну из тех бесед, которые скрашивали им обоим долгие часы одиночества. Он также не смог заставить себя заниматься. Учебник, положенный отцом на тумбочку, чтобы сыну было удобно его брать, удостоился только беглого взгляда. Нет, слишком уж он был возбужден новизной до сих пор не исследованного места. Пока яркий квадрат солнечного света тепло скользил по полосатым бордовым обоям с причудливым орнаментом, которые от этого становились еще занятнее, мальчик лежал на спине, вслушиваясь в безмолвное сердцебиение дома.

Впрочем, не такое уж и безмолвное. Звуки донеслись с первого этажа — неприятные, будто там ссорились, — перепалка с последующим громким стуком, как догадался Николас, хлопнувшей двери кухни. Затем до него донесся приглушенный шепот, звуки неспешной уборки, из столовой внизу слышались шаги и потянуло запахом крепкого табака. Пытаясь выстроить четкую картину происходящего, Николас был застигнут врасплох и даже испуган внезапно открывшейся дверью. Обернувшись, он увидел Гарсиа, взирающего на него с видом заговорщика.

От неожиданности краска бросилась мальчику в лицо. Необъяснимое недоверие к дворецкому, которое он испытал накануне вечером, будто с самого начала почувствовал в нем врага, вернулось с удвоенной силой, когда тот возник на пороге.

— Могу я забрать поднос? — Гарсиа говорил вкрадчиво, с подчеркнутой учтивостью, но горящая сигарета в желтых от никотина пальцах выдавала его притворство.

— Да, пожалуйста... Спасибо! — запинаясь, ответил Николас слабым голосом.

Дворецкий не сдвинулся с места, лишь обнажил зубы, что при общей неподвижности его черт должно было, вероятно, означать улыбку.

— Не бойтесь меня, — мягко сказал он. — Я хорошо лажу с детьми. В одном доме их было семеро. Младшая девочка любила сидеть у меня на коленях. Потом она умерла. — Николас судорожно вздохнул, а дворецкий, не сводя с мальчика глаз, рассеянно поднес к губам коричневую сигарету и глубоко затянулся. — Когда-нибудь я вам о ней расскажу. У нас может получиться интересный разговор. Я многое повидал. Много грустного и страшного. Много невероятного. Мир полон дураков. А меня ничем не проймешь, ровным счетом ничем.

— Что вы хотите этим сказать? — выдохнул Николас.

Гарсиа равнодушно пожал плечами:

— Потом поймете. Я был солдатом. Офицером. Я видел, как людей избивают, пытаются, убивают. Но мы поговорим об этом в другой раз. Скажите, а где ваша мама?

Николас побледнел. Вопрос, заданный с небрежностью, маскирующей дерзость, заново разбередил самые сокровенные раны в его съезжившейся душе. От испуга он чуть не ответил: «Она умерла». Ведь сколько раз отец со скорбью говорил, что для них обоих она все равно что умерла. И только вчерашняя вечерняя молитва о ее прощении не позволила уподобить забвение могиле. Но солгать ему не разрешил природный инстинкт, основанный не столько на неискушенности, сколько на странном предчувствии: если он солжет этому человеку, то раз и навсегда будет перед ним беззащитен. Тогда ему не спастись.

— Она в Америке, — запинаясь, произнес Николас.

— О! — воскликнул Гарсиа. — Прекрасная страна! Но почему не здесь?

У Николаса задрожал подбородок, что вызвало трепет губ и тонких ноздрей, лоб сморщился.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПАНСКИЙ САДОВНИК	
<i>Перевод Л. Бергер-Винокур</i>	5
ДРЕВО ИУДЫ	
<i>Перевод Е. Коротнян</i>	181